

Ци Чэнь, разумеется, просто дразнил Сюй Яньцина, но у ребёнка были пухлые щёчки, да и тянулся он к Сюю особенно тепло — вместе они казались удивительно похожими.

Сюй Яньцин помял ладонью румяные щёчки малыша:

— Это сын дяди Юаня. Сегодня все ушли на поминовение предков, дома никого не осталось, вот мой старший брат и привёл его сюда.

Обед почти был готов. А Нин услышал слова Сюй Яньцина, но почти не отреагировал — вся его голова была занята сладким персиковым вареньем.

— А-а, — понимающе кивнул Ци Чэнь. Он снял с плеча небольшую корзинку с травами, собранными по дороге, и спросил:

— А что вкусенького сегодня тётушка Ли приготовила? Пахнет так аппетитно и сладко, просто пальчики оближешь.

Сюй Яньцин не придавал словам значения, а вот стоявший рядом ребёнок вдруг нервно воскликнул:

— Ничего она вкусного не приготовила! Это тебе показалось!

Сюй Яньцин не удержался от улыбки, заметив, с какой ревнивой серьёзностью малыш это произнёс. Тем временем Ци Чэнь вымыл руки у водяной кадки, подошёл к А Нину и легонько ткнул его в щёчку:

— Малыш, это называется: «Нет тут серебра — всего-то триста лянов». А теперь мне стало ещё интереснее.

А Нин понял, что сболтнул лишнего, и только сильнее раззадорил незнакомца — теперь тот уж точно захочет отнять у него персиковое варенье. Глаза его стали круглыми и сердитыми.

— Молодой доктор Ци вернулся! — Му Юй всё это время помогал тётушке Ли на кухне. Когда обед был почти готов, он вынес блюда во двор. — Осталась одна тарелка — курица, тушёная с грибами — и всё. Молодой доктор Ци может переодеться и идти есть.

— Иду! — После утренней работы одежда Ци Чэня промокла от пота и перепачкалась в грязи. Он вдохнул аромат еды, доносившийся из двора, и поспешил в комнату переодеться.

А Нин проводил его взглядом, потом прижался к Сюй Яньцину и шёпотом спросил:

— Малый дядюшка, а кто этот старший брат?

— Он врач, но тебе лучше звать его дядюшкой Ци, — ответил Сюй Яньцин и слегка ущипнул малыша за ладошку. — Пойдём-ка отмоем твои грязные руки, а потом за стол.

Было видно, что Ци Чэнь всё утро провёл в беготне и теперь умирал с голоду. Он держал кукурузную лепёшку и с удовольствием ел её вместе с тушёной курицей с грибами.

Му Юй наконец управился с делами и вынес из кухни маленькую миску, поставив её перед А Нином:

— Попробуй вот это. Я только что остудил в холодной воде — должно быть очень вкусно.

— Что это? — Ци Чэнь, наконец насытив немного свой сжимающийся от голода желудок, заметил действия Му Юя и с любопытством спросил:

— Малыш, да ты ничего себе — у тебя даже особое блюдо есть!

А Нин, завидев это, тут же накрыл ладошкой миску, которую поставил перед ним Му Юй, и прижал к себе, охраняя, словно сокровище:

— Это моё! Даже не думай отбирать!

— Нет уж, — не отставал Ци Чэнь, — я умираю с голоду и хочу именно то, что у тебя в миске.

Он не отрывал взгляда от ёмкости, прикрытой пухлой ручкой ребёнка. А Нин посмотрел на него, потом приподнял ладошку и украдкой заглянул в миску с вареньем. Колебался долго, но в конце концов взял чистую маленькую ложечку и аккуратно отсыпал немного Ци Чэню:

— Я поделюсь... Но ты не заставляй меня потом пить горькое лекарство.

Он только что услышал от своего младшего дядюшки, что этот дядюшка Ци — доктор. А он хорошо знал, что такое врачи: каждый раз, когда заболел, те пичкали его горькими снадобьями, а родители отдавали доктору медные монетки. Вот он и решил подмаслить Ци Чэня заранее, чтобы тот был к нему добрее и не заставлял пить гадость.

Так вот в чём был замысел. Ци Чэнь с притворной серьёзностью подыграл:

— Ну, этим крошечным кусочком ты меня не удовлетворишь. Как минимум, должен отдать мне половину того, что в миске.

А Нин уставился на дядюшку Ци круглыми глазами. Оказалось, взрослые вроде него тоже любят сладкое варенье. Но, посмотрев на то небольшое, что ещё оставалось в миске, он всё же заколебался. В конце концов стиснул зубы и поделился половиной:

— Тогда по рукам. Дядюшка Ци больше не будет заставлять меня пить горькое лекарство.

Ци Чэнь понял — этот малыш по-настоящему ненавидит снадобья. Он воспользовался моментом и проверил пульс А Нина. Мальчик был крепкий, словно поросёнок: даже если слегка простудится, лекарства ему не понадобятся. Скорее уж родня излишне тревожится. Он безо всяких церемоний съел варенье, которым тот с ним поделился:

— Ладно, договорились. Если в следующий раз подхватишь простуду — ни капли горького лекарства.

(А вот в остальных случаях — посмотрим.)

А Нин, хоть и горевал, что отдал половину своего ароматного персикового варенья, всё же быстро повеселел, вспомнив, что теперь ему не придётся пить гадость.

После обеда Сюй Яньцин велел Му Юю заварить холодного чая и смешать его с персиковым вареньем — чтобы утолить жажду. Так что А Нин, потерявший половину своей сладости, теперь обнял чашку с чаем и пил её не отрываясь. В конце концов, когда его животик заметно раздулся, Му Юй не выдержал и, смеясь, увёл его на прогулку, чтобы тот немного переварил съеденное.

К тому времени, как они вернулись, малыш уже явно начал клевать носом. Му Юй отвёл его в

нужник, потом вернулся в комнату и уложил спать.

Ци Чэнь сидел у кадки с водой, перебирая и промывая собранные за день травы. Скоро должно было наступить лето — с ним прибавится и насекомых. Сегодня он нарвал немного трав с отпугивающим эффектом — позже из них можно будет сделать благовония.

Сюй Яньцин после еды вяло прошёлся два круга по двору, а потом устроился в шезлонге с книжкой. Долго он не продержался — вскоре книга упала на землю, а сам он уснул.

Ци Чэнь подошёл, поднял упавшую книжку, бережно смахнул пыль, а затем вернулся в дом за тёплым одеялом и накрыл им Сюй Яньцина.

Жизнь в деревне была такой безмятежной и приятной, особенно в сравнении с суетой столицы. После поминовения предков Сюй Сянчжи провёл в родовом поместье семьи Сюй вместе с младшим братом более десяти дней. Но его особое «поминальное» отпускное время, полученное с большим трудом, подходило к концу. Он только и мог, что тысячу раз наказать слугам, а потом, изрядно пожужжав младшему брату в ухо, неохотно уехал обратно в столицу.

К тому времени, как Сюй Яньцин достиг четвёртого месяца беременности, его токсикоз значительно ослаб, и на животе начал проявляться едва заметный округлый выпуклость. К счастью, вся одежда, которую госпожа Су привезла в этот раз, была достаточно свободной — так что его особенное положение не бросалось в глаза.

До отъезда Сюй Сянчжи, маленькому А Нину больше всего нравилось бродить по двору с дядюшкой Сянчжи — всё-таки он был мальчишкой, а мальчишки любят подвижность.

Но с тех пор как Сянчжи уехал, малыш каждые пару дней подходил к Сюй Яньцину и начинал пристально на него смотреть.

Сюй Яньцин согнул палец и поманил пухлого ребёнка к себе:

— Говори, что дядюшка Сянчжи такого тебе наговорил перед отъездом?

— А Нин не скажет! — воскликнул тот и тут же прикрыл рот ладошкой, слегка виновато глядя в сторону.

Малыш, который уже с раннего детства умел изображать «нет тут серебра — всего-то триста лянов», не мог скрыть свои мысли от взрослого. Сюй Яньцин, лениво покачиваясь в шезлонге, лишь усмехнулся: старший брат, видимо, не доверял ему оставаться одному, и подослал к нему маленького шпиона, чтобы тот присматривал за ним.

К концу апреля в деревню пришло лето. Погода стала переменчивой: один день — прохладный, на следующий — жара. В одно из таких утр Сюй Яньцин проснулся в полусне, весь в поту, с липкой кожей и ощущением неприятной влажности.

Сзади, на шее, снова появилось знакомое ощущение зуда и набухания, отчего он подозревал Ци Чэня, который в это время кормил во дворе цыплят:

— Посмотри, пожалуйста... У меня на затылке странное чувство, очень неприятное.

Ци Чэнь, услышав это, слегка напрягся. Он тут же подошёл, протянул руку и коснулся затылка Сюй Яньцина — от кожи ощутимо шло тепло.

И в этот момент Сюй Яньцин испытал внезапную и необъяснимую волну отторжения и отвращения. Он нахмурился — ведь Ци Чэнь был ему как друг, откуда такая странная реакция?

К счастью, прикосновение длилось всего мгновение — Ци Чэнь тут же убрал руку и сел рядом, чтобы прощупать пульс.

— Пульс у Молодого господина нормальный. За исключением лёгкой простуды, ничего серьёзного, — произнёс он и велел Му Юю заварить имбирного чаю. — Посмотрим, как будет. Если состояние не улучшится — сделаю иглокалывание.

Сюй Яньцин с усталым видом остался лежать в постели, даже не пытаясь встать. Всё тело, начиная с затылка, будто горело, но Ци Чэнь поставил диагноз — простуда. Это только раздражало.

Чтобы не срывать раздражение на окружающих, он выпил чай, съел немного, чтобы не принимать лекарство на пустой желудок, а затем прогнал всех из комнаты, снова завернувшись в одеяло.

Но даже уединившись, уснуть он не смог. В теле бушевало беспокойство, необъяснимая тревога не давала покоя. Вдруг он вспомнил о свёртке, который давно спрятал под шкаф.

Прошло уже много времени, и аромат на плаще Даосского наставника Сюаньчэня почти выветрился. Сюй Яньцин прижал плащ к груди, ощущая какую-то уязвимость, и мысли унесли его далеко.

Тот разговор с Ци Чэнем о мире АВО и признаках омег был тогда просто шуткой. Но теперь, стоило ему почувствовать себя плохо — и мысли начинали бродить в самых неожиданных направлениях.

Судя по его поверхностным познаниям, после дифференциации омеги входят в нерегулярный, неконтролируемый период течки. В это время они начинают излучать специфические феромоны.

Сколько длится течка, зависело от особенностей организма. У одних — всего два-три дня, у других — семь-восемь или даже дольше.

Сюй Яньцин даже подсчитал: с тех пор как он в последний раз ощущал жар в области шеи, прошло уже три-четыре месяца. Он сам начинал путаться.

Всё это казалось каким-то нелепым. Переместиться в книгу — и то было трудно переварить, а теперь ещё и оказаться омегой? Сюй Яньцин начинал подозревать, что следующим шагом в его жизни появятся летающие супергерои.

Прижав к себе плащ Сюаньчэня, он, наконец, задремал. Перед тем как окончательно уснуть, в голову закралась ещё одна мысль, но сил её осмыслить не осталось — он просто перевернулся на бок и провалился в сон.

В уезде, Инь Яньцзюнь в даосском облачении сидел за письменным столом. Он закрыл меморандум, что держал в руках, и передал его стоявшему рядом Вэнь Цзину.

Тот молча поклонился, принял документ и медленно вышел из комнаты. В этот момент в дверь постучали — вошёл Инь Юаньчэн.

— Ваше Величество, аптекари уже распределены.

— М-м, — безразлично откликнулся Инь Яньцзюнь, подняв руку и развернув узкий листок бумаги.

На его чисто очерченном, холодном лице на миг промелькнуло сложное выражение, прежде чем он спрятал бумажку в одну из книг на столе.

<http://bllate.org/book/12638/1120933>